

Азаренко Надежда Александровна

**РЕЛИГИОЗНАЯ МЕТАФОРИКА ПЕРИФЕРИЙНЫХ ОБРАЗОВ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
"ИДИОТ"**

В статье с новых методологических позиций дается языковое описание творческой метафоры Ф. М. Достоевского, нашедшей свою реализацию как в центральных, так и в периферийных персонажах романа "Идиот". Исследование христианского творчества Достоевского с метафорической точки зрения является новым для современной филологии и может стать новым инструментом интерпретации мировидения Ф. М. Достоевского, а следовательно, и новым способом прочтения итоговых произведений писателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 15-17. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

15. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 151-169.
16. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 18. С. 242-263.
17. Храковский В. С. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология) // Типология условных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 1998. С. 7-96.
18. Greimas A.-J., Courtés J. Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage. P.: Hachette Supérieur, 1993. 454 p.
19. Leech G. N. Principles of Pragmatics. London – N. Y., 1983. 250 p.

TEMPTATION IN ORTHODOX HAGIOGRAPHICAL DISCOURSE OF THE MIDDLE OF THE XVTH – THE XVIITH CENTURY

Aver'yanova Ekaterina Viktorovna, Ph. D. in Philology
Tyumen State University
ekaterina.tioumen@gmail.com

The grammatical representation of temptation speech act in the Orthodox hagiographical discourse of the middle of the XVth – the XVIIth century is revealed in the article. Nowadays many researchers are aimed at finding out the interconnection between manipulation and grammar. In this article the author came to the conclusion that temptation speech act is presented in the Old Church Slavonic hagiographical discourse only with conditional constructions. Temptation is realized with the help of both prototypical conditional constructions, such as compound and complicated sentences, and peripheral conditional constructions – complex sentences and composite conjunctive sentences, complex syntactic totals.

Key words and phrases: grammatical representation of temptation speech act; manipulation; conditional constructions; temptation; speech act; discourse.

УДК 81'42; 801.7

Филологические науки

В статье с новых методологических позиций дается языковое описание творческой метафоры Ф. М. Достоевского, нашедшей свою реализацию как в центральных, так и в периферийных персонажах романа «Идиот». Исследование христианского творчества Достоевского с метафорической точки зрения является новым для современной филологии и может стать новым инструментом интерпретации мировидения Ф. М. Достоевского, а следовательно, и новым способом прочтения итоговых произведений писателя.

Ключевые слова и фразы: когнитивная метафора; метафорическая модель; метафоризация; антитеза; Бог; дьявол.

Азаренко Надежда Александровна, к. филол. н., доцент
Липецкий государственный педагогический университет
azarenko.nadezhda@yandex.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ МЕТАФОРКА ПЕРИФЕРИЙНЫХ ОБРАЗОВ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»[©]

Как мы уже неоднократно отмечали [3], всё или почти всё послекаторжное творчество Достоевского может быть понято исключительно через призму Священной Истории (в основном новозаветной), и Христос хотя и главный, но не единственный ее персонаж, поэтому и в романе «Идиот», и в других романах «Великого Пятикнижия» метафорически представлены и другие образы Заветов, что и предопределило **цель** настоящего исследования – описать основные языковые средства представления религиозной метафоры периферийных образов второго романа «Пятикнижия».

В анализируемом произведении повторяется евангельская схема истинного и ложного «конвоя страданий» у распятия Спасителя. Мышкин соответствует Христу, Ганя Иволгин – «пробудившемуся» разбойнику, а Парфен Рогожин – безумному разбойнику с находящейся в плену бесовщины душой. Сразу два образа – Мари и Настасьи Филипповны – читаются как метафоры блудницы Марии Магдалины, прощенной Христом-Мышкиным.

Как неоднократно отмечалось исследователями, в фамилии Настасьи Филипповны Барашковой заключена идея жертвенности. Та же идея и та же метафоричность заключены и в образе Мари из швейцарской деревни. Эти образы можно назвать образами-двойниками, что очень характерно для Достоевского [2]. Однако чаще двойники находятся в разных романах, например, с метафорой Марии Магдалины мы уже встречались в предыдущем романе писателя и встретимся в последнем – в образе Аграфены Александровны Светловой. Однако наиболее близки между собой образы-жертвы из одного романа: и Мари, и Настасья Филипповна погибают, в отличие от своих образов-сестер [8, с. 97].

Названная однопорядковая метафоричность неоднократно подчеркивается в романе. Так, Мышкин говорит Аглае Епанчиной о Настасье Филипповне: «*О, не позорьте ее, не бросайте камня*» [5, с. 361], что является переложением сказанных относительно Марии Магдалины слов Христа: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Евангелие от Иоанна, гл. 8, ст. 1-7). В подготовительных материалах к роману Достоевский хотел описать и «евангельское прощение в церкви блудницы», но развитие сюжета увело его от описания этой сцены.

Блудница, конечно, была прощена Иисусом-Мышкиным, но жить с Богом она не смогла, поскольку дьявол не отпустил свою жертву, приведя ее к неминуемой смерти. В сердце Настасьи Филипповны на протяжении всей ее недолгой жизни происходила ожесточенная борьба Бога и дьявола, и победу одерживал то один, то второй. Данный факт, как всегда, отразился в языковых характеристиках Настасьи Филипповны, часто оформленных в виде фигуры экспрессивного синтаксиса антитезы.

Так, например, князь увидел в лице на портрете Настасьи Филипповны (о важности портретных характеристик у Достоевского см., например, в работе Л. А. Мельниковой [7]) следующее: «*Как будто необъятная гордость и презрение, почти ненависть, были в этом лице, и в то же самое время что-то доверчивое, что-то удивительно простодушное*» [5, с. 68]. Лексические представители противоположных векторов антитезы, представленной в процитированном сложносочиненном предложении, в языковой картине мира Достоевского однозначно антонимичны: если существительные «гордость», «презрение» и «ненависть» последовательно представляют inferнальный концепт, то атрибутивными признаками, названными прилагательными «доверчивый» и «простодушный», всегда характеризуются «христоликие» [6] персонажи. Стоит отметить, что оба полюса антитезы выражают усиление названных признаков за счет употребления в роли пояснительных слов градуаторов «необъятная» и «удивительно».

Та же антитезность наблюдается и в следующем сложноподчиненном предложении: «*...эта женщина, – иногда с такими циничскими и дерзкими приемами, – на самом деле была гораздо стыдливее, нежнее и доверчивее, чем бы можно было о ней заключить*» [5, с. 473]. Лексическую основу фигуры в данном случае составляют контекстные антонимы: с одной стороны, прилагательные «циничный» и «дерзкий» с негативной оценочностью коннотативной составляющей лексического значения; с другой – «нежный», «стыдливый», «доверчивый», содержащие положительную оценку уже в структуре понятийного ядра. Контекстные же приращения смысла делают эти антонимы сакрально маркированными inferнальными или богоориентированными смыслами.

Конечно, демонический голос в душе Настасьи Филипповны звучит несравнимо сильнее божественного: об этом говорят многие ее языковые характеристики. Так, например, мы читаем о ее «*бесовской гордости*», о ее «*надменных*» глазах [Там же, с. 482], об «*ужасно гордом лице*» [Там же, с. 32]. Такие качества, как «гордость» и «надменность», последовательно представлены в языковой картине мира Достоевского в рамках концептуальной метафоры «гордость есть демоническое свойство». Важно, что при описании этого качества характера Настасьи Филипповны Достоевский часто использует степенные наречия, указывающие на максимальную степень реализации этой inferнальной характеристики.

Противоречив, хотя и в меньшей степени, и еще один образ романа – Парфёна Рогожина. Фамилия «Рогожин» образована Достоевским от названия Рогожинского кладбища в Москве – центра московской общины старообрядцев. Отец Рогожина хотя и вышел из народной среды, но социально и морально разделился с ней, порвал с народными идеалами и народной совестью, что и предопределило, по мнению Достоевского, разрыв его сына Парфёна с Богом.

Уже на первых страницах романа контексты функционально-смыслового типа речи «описание», посвященные портрету Рогожина, эксплицируют концепт БЕСОВЩИНА: «*...тонкие губы беспрерывно складывались в какую-то наглую, насмешливую и даже злую улыбку... Особенно приметна была в этом лице его мертвая бледность... и вместе с тем что-то страстное, до страдания, не гармонизировавшее с нахальной и грубой улыбкой и с резким, самодовольным его взглядом*» [Там же, с. 5]. Как и в случае с Настасьей Филипповной, описание не свободно от контрастности: стихийная близость к «почве», народной среде, обуславливает, по мысли Достоевского, богатство скрытых в натуре Рогожина возможностей. Однако положительный полюс едва прочитывается, что должно свидетельствовать о явном доминировании темной части души Рогожина. Неслучайно для номинации этого персонажа Достоевский использует субстантиват «больной», последовательно реализующийся в рамках авторской религиозной метафоры Достоевского «болезнь есть следствие греха» (то есть одержимости дьяволом) [3].

Кроме того, на первых страницах романа Рогожин номинируется исключительно посредством субстантивата «черномазый» (12 словоупотреблений на 7 страницах текста), в то время как для номинации Мышкина используется антонимичное, также сложное субстантивированное прилагательное «белокурый». Противопоставленность «черного» и «белого», «чистого» и «грязного» и других аксиологических метафорических оппозиций [4] не нуждается в комментариях: в последнем романе «Пятикнижия» Достоевский назовет «Карамазовыми», то есть фактически «черномазыми» (так называет Алешу сумасшедшая жена капитана Снегирева), целое «случайное семейство» грешника старика Карамазова.

«Мрак» долгое время господствовал и в душе Гаврилы Ардалионовича Иволгина, который, в отличие от Рогожина, всё же смог услышать голос Бога, именно поэтому его можно назвать метафорой «пробудившегося» разбойника, хотя правильнее использовать причастие несовершенного вида – «пробуждающегося», поскольку детальное описание персонажа происходит в первой части романа, в «темные» времена Гаврилы Ардалионовича, «пробудившегося» же героя, на наш взгляд, мы вообще не видим, а ощущаем лишь предпосылки к «пробуждению».

В заключение отметим, что также большинство других периферийных персонажей романа хотя и в разной степени, но достаточно последовательно выражают убеждение Достоевского в том, что «тьма» поразила души людей, сделала их неспособными слышать божественный голос, голос своей совести, что с необходимостью выражается в их языковых портретах.

Итак, язык романа «Идиот» последовательно объективирует религиозное мировосприятие Достоевского, мыслящего исключительно сквозь призму новозаветной Священной Истории: не только центральные, но и периферийные образы романа объективируются в виде той или иной метафоры, где структура цели последовательно соотнесена с конкретным действующим лицом Евангелий.

Список литературы

1. **Азаренко Н. А.** Морбиально-религиозная метафорика в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник ВГУ. 2013. № 2. С. 108-112.
2. **Азаренко Н. А.** От Родиона Раскольникова к Ивану Карамазову (к вопросу эволюции художественного типа в творчестве Ф. М. Достоевского) // Русская словесность как основа возрождения русской школы: сб. статей по материалам III Междунар. конф. Липецк: ЛГПУ, 2012. С. 77-81.
3. **Азаренко Н. А.** Языковые средства объективации христианских мотивов в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Липецк: ЛГПУ, 2013. 262 с.
4. **Григорьева Т. В.** Метафорическая оппозиция «чистый» – «грязный» как способ языковой интерпретации действительности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31). С. 56-58.
5. **Достоевский Ф. М.** Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 8. 510 с.
6. **Иустин преподобный (Попович).** Достоевский о Европе и славянстве / вступит. статья Н. К. Симакова; перев. с серб. Л. Н. Даниленко. М. – СПб., 2002. 271 с.
7. **Мельникова Л. А.** Ф. М. Достоевский и Г. Бёльль: проблема литературных влияний (на материале романов «Идиот» и «Групповой портрет с дамой») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31). С. 94-99.
8. **Назрив Р. Г.** Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Саратов, 1982.

RELIGIOUS METAPHORICS OF PERIPHERAL CHARACTERS IN NOVEL BY F. M. DOSTOYEVSKY “THE IDIOT”

Azarenko Nadezhda Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Lipetsk State Pedagogical University
azarenko.nadezhda@yandex.ru

In the article the linguistic description of F. M. Dostoyevsky's artistic metaphors is given, that has found its realization both in agonists and in peripheral characters in the novel “The Idiot”. The research of Dostoyevsky's Christian works from the metaphorical point of view is a new one for modern philology and may become a new instrument of interpreting Dostoyevsky's worldview and consequently it may become a new way to read the writer's final works.

Key words and phrases: cognitive metaphor; metaphorical model; metaphORIZATION; antithesis; God; devil.

УДК 82-4; 82-43

Филологические науки

В статье на примере очерков Н. М. Карамзина (1802 г.), А. Н. Муравьева (1835 г.), и С. П. Шевырева (1847 г.) рассматривается круг вопросов, связанных с развитием духовной прозы первой половины XIX в.: конкретизируется проблематика, иллюстрируются механизмы художественно-публицистического ее воплощения. Историко-литературная значимость материала состоит как в осмыслении тематического и стилистического богатства духовно-религиозной прозы, так и в возможности расширить представления о содержательных и идейно-художественных границах отечественной очеркистики XIX в.

Ключевые слова и фразы: духовная проза; очерк; традиция и новаторство; «хождение»; житие; экфрасис; православие и литература.

Александрова-Осокина Ольга Николаевна, к. филол. н., доцент
Дальневосточный государственный гуманитарный университет
osokina-11@mail.ru

ОБРАЗ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ В ОЧЕРКОВОЙ ПРОЗЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. ©

Статья обращена к осмыслению особенностей художественно-публицистического освоения духовной тематики в очерковой прозе первой половины XIX в. Рассматриваются три очерка, посвященные Троице-Сергиевой Лавре: Н. М. Карамзина («Исторические замечания и воспоминания на пути к Троице», 1802 г.),